

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ: МЕЖДУ ИМПЕРИАЛИЗМОМ И ПЛЮРАЛИЗМОМ¹

В.В. ВОЛЬЧИК,

доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: volchik@sfedu.ru

Междисциплинарные исследования в социальных науках приобретают особую важность по причине двух кризисов – кризиса в экономике и кризиса в экономической науке. Однако экономическая наука исторически осуществляет экспансию в смежные социальные науки под знаменами экономического империализма. Экономический империализм можно рассматривать как попытку монополизировать право на идеалы и критерии научности, которые сформировались со второй половины XX века в рамках мейнстрима. Доминирование экономического империализма парадоксальным образом привело к сужению предметного поля экономической теории. Формализм и модели рационального поведения, которые экономисты экспортируют в другие социальные науки, не позволяют исследовать адаптивно-сложные неэргодические процессы социальной жизни. Следование идеалам научности в рамках экономического мейнстрима приводит к редукционизму и неоправданному упрощению теоретических рамок по сравнению с реальными хозяйственными и социальными процессами. Альтернативой экономическому империализму может служить экономический плюрализм. Экономический плюрализм больше присущ представителям гетеродоксальных научных направлений. В рамках данных подходов признается роль критики, происходящей из-за пределов той или иной научной школы, а также важность делиберативного процесса между представителями различных научных направлений. Междисциплинарность рассматривается как один из вызовов, обусловленных развитием современного социума. Междисциплинарные исследования позволяют дополнять и расширять предметные границы социальных наук с учетом эволюционного характера общественного развития. Успех междисциплинарных исследовательских программ во многом зависит от интеграции научных исследований и университетского образования. Использование теорий и методов других социальных наук способствует лучшему пониманию сложных и неэргодических процессов в реальной экономике.

Ключевые слова: междисциплинарные исследования; экономический империализм; экономический плюрализм; методология экономической науки; экономическое образование

¹ В основу статьи лег доклад, представленный на круглом столе «Перспективы развития междисциплинарных социально-экономических исследований», который был проведен Южным федеральным университетом и Российской академией наук 24 июня 2015 года в г. Ростове-на-Дону.

INTERDISCIPLINARITY IN ECONOMIC SCIENCE: BETWEEN IMPERIALISM AND PLURALISM

VYACHESLAV VOLCHIK,

Doctor of Economics (DSc), Professor,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: volchik@sfedu.ru

In social sciences, interdisciplinary research is of increasing importance in the context of two economic crises – a crisis in economy in a crisis in economics. However, economic theory had historically expanded into allied social sciences by pursuing an agenda of economic imperialism. Economic imperialism may be seen as an attempt to monopolize the ideals and criteria of scientificity which had been shaped starting second half of XX century within the mainstream tradition. Dominance of the economic imperialism paradoxically has resulted in shrinking of the subject area of economic theory. Formalism and behavioral models of rational choice which are transferred by the economists to other social sciences, prevent investigation of complex adaptive systems and non-ergodic social processes. Adherence to the «ideals of scientificity» within the economic mainstream results in reductionism and unjustifiable simplification of the theoretical framework, compared to the real economic and social processes. Economic pluralism can be an alternative to economic imperialism. Economic pluralism is mainly associated with the heterodox approaches in social sciences. The key role of criticisms is recognized within these approaches, as well as the importance of a deliberative process between different approaches in social sciences. Interdisciplinarity is seen as one of the challenges in context of evolution of modern society. Interdisciplinary research complements social sciences and expands its frontiers, taking into account evolutionary nature of social development. Success of interdisciplinary research programs depends largely on integration of research and university education. If applied to the real economic processes, theories and methods of other social sciences help gain a better understanding of complex non-ergodic processes.

Keywords: *interdisciplinary research; economic imperialism; economic pluralism; economic methodology; economic education*

JEL classifications: B41

Экономические кризисы и кризис в экономической науке стали частыми темами в современном дискурсе экономистов. Возможно, «кризис» как предмет исследования лучше всего поддается экономическому анализу. Предсказание кризисов – это лучшее, что могут предложить экономисты для общественности и политиков, и хотя прогнозы часто строятся по принципу – «летом возможно будет теплее, чем зимой», спрос на них довольно стабильный. Однако у кризисов есть очень опасное свойство для самой экономической науки. С завидной периодичностью кризисы в реальной экономике создают кризисную ситуацию в самой экономической теории².

² Одним из примеров подобной ситуации может служить Великая депрессия и кейнсианский ответ со стороны экономической теории, который не только предложил релевантные рецепты для оздоровления экономики, но и сформировал новую исследовательскую программу макроэкономики.

Кризис 2008–2009 годов стал отправной точкой для широкого обсуждения вопроса, заданного Нобелевским лауреатом Полом Кругманом: «Как это экономисты так ошиблись?» (*Krugman, 2009*). Увлеченные собственным совершенством экономисты не только прозевали кризис, но и создали интеллектуальную среду, способствующую пагубным мерам экономической политики, с одной стороны, и оправдывающую тех, кто эти меры реализовывал, – с другой. Красота экономической теории стала главным ее достоинством, но возможно, для важнейшей социальной науки нужны и другие качества в современном мире. Одним из важнейших последствий, исходя из понимания сложившейся ситуации, является получающий все большее распространение дискурс о необходимости создания «общего социального анализа» (*Полтерович, 2011*). И хотя ранее представители различных научных школ уже выдвигали подобные проекты (в качестве примера можно привести предложение Мизеса о метасоциальной науке праксиологии (*Мизес, 2000*)), в настоящее время данный дискурс не только актуален снова, но и связан с поиском перспективных путей развития экономики и других социальных наук. В данном контексте представляется важным научный дискурс о междисциплинарных исследованиях в рамках экономической и других социальных наук.

Экономический империализм

Доминирование экономической науки среди социальных наук привело к возникновению феномена «экономического империализма». Экономический империализм во многом оказал отрицательное влияние на развитие современной экономической науки. И главный его вред, как бы странно это ни звучало, в сознательной самоизоляции экономистов в рамках своих методов и моделей, базирующихся на концепции рационального выбора.

Почему экономисты решили, что они являются бесспорными лидерами среди социальных наук? Может ли современная экономическая теория задать значимые ориентиры для развития социальных наук? И наконец, как экономистам наладить равноправные взаимоотношения с другими социальными науками? Ответы на эти вопросы так или иначе связаны с феноменом экономического империализма и его более чем сорокалетним влиянием на развитие междисциплинарных исследований.

Экономический империализм – это определенный миф. Тема мифотворчества востребована в дискурсе экономистов. Модели, которыми изобилуют работы, по меткому определению А. Рубинштейна, можно смело называть баснями: «Как экономисты-теоретики, мы организуем наше мышление с помощью того, что мы называем моделями. Слово «модель» звучит научнее, чем «басня» или «сказка», хотя большой разницы между ними я не вижу. Автор басни проводит параллель с ситуацией из реальной жизни. У него есть некая мораль, которой он хочет поделиться с читателем. Басня – это воображаемая ситуация, находящаяся где-то посередине между фантазией и реальностью. Любую басню можно отвергнуть как нереалистичную или упрощенную, но в этом и состоит ее преимущество. Находясь между фантазией и реальностью, басня свободна от посторонних деталей и утомительных отступлений» (*Рубинштейн, 2008. С. 79–80*). Апологеты экономического империализма (*Гуриев, 2008; Яновский, 2008*) также любят использовать в своем дискурсе понятие мифов (*Гуриев, 2011*). И если мы рассматриваем мифы как упрощение реальности и создание виртуального сказочного мира, то экономический империализм – хороший метод для мифотворчества и формирования грандиозных собраний сказок, басен и мифов. И в этом не было бы ничего плохого, если бы мифостроение не объявлялось единственно возможным способом постижения экономики и социальной реальности. Рынок идей редко бывает конкурентным. Провалы такого рынка, усиленные зависимостью от предшествующей траектории развития (*path dependence*), приводят к монополизму субоптимальных идей и блокировке на

«экономических теориях QWERTY» (Вольчик, 2003). Поэтому научный империализм способствует не интеграции и свободному обмену идеями в рамках социальных наук, а монополистическому доминированию пускай продуктивных, но имеющих объективные ограничения методов и подходов.

Экономический империализм часто отождествляют с мейнстримом и с неоклассикой. Однако согласно подходу В. Тамбовцева, «мейнстрим и неоклассика – разные явления в экономической науке» (Тамбовцев, 2008. С. 131). Действительно, необходимо учитывать, что в современных научных исследованиях понятие мейнстрима гораздо шире, чем неоклассика. Можно сказать, что неоклассика является частью или даже ядром мейнстрима, но помимо нее основное течение современной экономической науки постоянно дополняется получающими широкое признание теориями и научными направлениями (Ходжсон, 2008). Некоторые теории, возникшие как критика неоклассики, сами постепенно стали мейнстримом. Так, значительную часть современного неонституционализма можно отнести к мейнстриму, например, такие его течения, как теория общественного выбора, теория контрактов, экономический анализ права, но едва ли ограничиваясь ими.

Если экономическая наука может рассматриваться как своеобразная религия (Nelson, 2001), то экономический империализм точно можно отнести к ее фундаменталистской ветви. Это попытка упрощения мира, сведения его сложности и изменчивости к стандартизированным, статичным и простым принципам. Разделение труда в науке, как и в экономике, способствует повышению производительности. Но постепенно уровень специализации приводит к тому, что отдельные направления и отрасли одной науки становятся до такой степени специфичными, что их представители перестают понимать друг друга. И если уходит понимание, возможно возникновение реакции в форме империализма, когда попытка объяснить разнообразный и сложный мир социальных взаимодействий с помощью пусть и продуктивных, но не универсальных, а иногда и бесполезных теоретических инструментов и методологических принципов приводит к монополизации права на истинное знание.

Фундаменталистский характер научного империализма проявляется прежде всего в формализме и попытке свести адаптивно-сложный эволюционный социальный мир к простым моделям с совершенной (дедуктивной) рациональностью (Arthur, 1994). Представителям экономического мейнстрима, в принципе, нечего дать социальным наукам, кроме теорий рационального выбора в его сильной форме максимизации. Согласно логике экономического империализма, экономист, изучающий политические, социально-антропологические или демографические явления, все равно остается в рамках трех основополагающих постулатов – предположениях о максимизирующем поведении, рыночном равновесии и стабильности предпочтений (Беккер, 2003. С. 32).

Главное достоинство экономического империализма, которое превозносят его сторонники, – в универсальности его аналитических инструментов и теоретических рамок. Однако такая универсальность проявляется в объяснении сложных явлений относительно простыми формализованными теориями. Но множество исследований говорят об обратном – что есть довольно большое количество исключений, где экономический империализм не работает. Например, методология экономического империализма плохо подходит или демонстрирует «убывающую отдачу (decreasing returns)» при исследовании первобытных обществ (Marchionatti, 2012). Не лучше подходят империалистические теории и для исследования современных процессов, особенно в условиях экономического кризиса. Вера в универсальность экономического империализма при разработке рекомендаций для экономической политики при проведении реформ в постсоциалистических странах привела к недооценке важности институциональных факторов, что негативно отразилось на результатах радикальных трансформаций (Stiglitz, 1999).

Возможно, вера в создание универсального объяснения всего социального мира представляет собой частный случай «пагубной самонадеянности» (Хайек, 1992). Еще хуже, когда «возникает убеждение, что твой подход не только универсален, но и единственно продуктивен, то есть может заменить собой все другие подходы (или стать их необходимым основанием). Это глубокое (хотя зачастую вполне искреннее) заблуждение нередко возникает и у экономистов, и у социологов – в силу амбиций или недостатка знания, – порождая немало безысходных споров» (Радаев, 2008. С. 117).

Вместо углубления понимания экономических явлений посредством интеграции с другими социальными науками в форме своеобразной адаптации к сложности и изменчивости мы наблюдаем скорее обратное: «Между тем, пока что экономический империализм пытается делать прямо противоположное – объяснить сложное с помощью концепций, наработанных для объяснения простого, а точнее, свести общее к одной из возможных частных. Не удивительно, что результаты таких усилий оказываются либо банальными, либо смешными» (Урнов, 2009. С. 137).

Одним из экспортных товаров экономического империализма является «экономическая эффективность». Однако даже экономисты не всегда достигают консенсуса в понимании того, что такое эффективность (Ширяев, 2014). Часто «экономистами-практиками» используется вульгарное понимание эффективности как соотношения затрат и результатов. Разработка концепций эффективности является очень важной, но, видимо, при соприкосновении с другими социальными науками они должны приобретать более «мягкие» формулировки и учитывать плохо формализуемые факторы, такие как идентичность, социальные ценности и институты.

Колонизация с помощью экономического империализма социальных наук опасна в связи с сокращением внимания к «неэкономическим факторам», таким как власть, социальный капитал и культура, что особенно опасно в условиях глобализации (Fine, 2002a; Fine, 2002b). «Неэкономические факторы», например, такие как качество социального капитала, доминирующие социальные ценности, образование, религия и т.д. в современном мире оказывают все так же значительное влияние на сугубо экономические проблемы, связанные с аллокацией ресурсов, неравенством в распределении доходов и экономическим развитием.

Экономический империализм имеет очень большой идеологический потенциал для обоснования проведения псевдолиберальной экономической политики, то есть политики, в результате которой преимущества получают только узкие группы специальных интересов (Олсон, 2012). Возможно, ставшая такой актуальной и широко обсуждаемой проблема неравенства (Стиглиц, 2015; Пикетти, 2015), хотя бы отчасти, является следствием недостаточного внимания со стороны теоретиков к институциональным и иным «неэкономическим» причинам такого положения дел с распределением доходов в современном мире. Сейчас, как и во времена дискуссий между Кейнсом и Хайеком, перед экономистами стоит проблема не просто выбора между либеральными или нелиберальными теориями и экономической политикой, а – трансформации институтов регулирования, с тем чтобы сохранить демократические ценности и культурные достижения цивилизации. И экономическая наука здесь может и должна играть заметную роль.

Идеи и идеология экономического империализма значительно повлияли на сферу образования. Курсы (особенно теоретические) на экономических факультетах имеют очень мало точек соприкосновения с той реальностью, которая существует за окном аудитории. Тотальная формализация базовых экономических предметов (микроэкономики и макроэкономики) приводит к тому, что курсы начального уровня отличаются от промежуточного и продвинутого не широтой рассматриваемых вопросов, а только степенью сложности используемого математического аппарата. Исследователь дискурса в среде экономистов А. Кламер так охарактеризовал такое положение дел

в преподавании экономики: «Вначале преподаватели могут щедро делиться сведениями об экономике «реального мира», поскольку это действенный способ пробудить в студентах интерес и заманить их в мир экономики. Однако можно – в некоторых учебных заведениях чаще, чем в других, и у некоторых преподавателей чаще, чем у других, – переходить от одного курса экономики к другому, изучать модели, уравнения и концепции и биться над решением все более сложных задач, даже не упоминая об экономических институтах. Чем дальше они углубляются в экономическую науку, тем более абстрактными и далекими от реальной экономики становятся занятия. Экономическая наука все больше становится наукой в себе, а не наукой об экономике» (Кламер, 2015. С. 26).

Однако нельзя отрицать и положительное влияние экономического империализма на развитие экономической науки. Важнейшим проявлением такого влияния может служить широкое распространение принципа методологического индивидуализма в социальных науках (Тамбовцев, 2008). И хотя в современных российских учебниках не всегда верно трактуется методологический индивидуализм (Тамбовцев, 2015), его использование важно для понимания как индивидуального, так и коллективного экономического действия. Значим принцип методологического индивидуализма и в других социальных науках, например в социологии. Как отмечает В. Радаев: «...нельзя не сказать и о том, что методологический индивидуализм социологов отличается от того, что превратилось в одно из оснований экономической теории. В социологии индивид, даже если он и рассматривается в качестве единственного субъекта мотивированного социального действия, берется в совокупности своих социальных связей и включенности в разнородные социальные отношения. Общество в данном случае не просто выступает как абстрактная предпосылка, но зримо присутствует в ткани индивидуального действия» (Радаев, 2008. С. 118).

Но в целом проект экономического империализма негативно отразился на репутации экономической теории в среде социальных наук. Так, политолог М. Урнов в жесткой метафоричной форме дает характеристику экономического империализма: «... экономический империализм представляет собой не столько научную парадигму, сколько вид интеллектуально-мануального самоудовлетворения, отличающийся от множества других видов этого занятия мощным психотерапевтическим эффектом. Экономистам, регулярно практикующим империализм, он дарует чувство уверенности в том, что для понимания любых сторон человеческой жизни не нужно знать ничего, кроме экономической теории (то есть кроме того, что они уже и так знают)» (Урнов, с. 138). Как уже отмечалось выше, подобная экономическому империализму научная позиция очень похожа на «пагубную самонадеянность» (Хайек, 1992), когда вера в безграничную рациональность приводит к неблагоприятным последствиям не только для науки, но и для реальной экономики.

Экономический плюрализм

Экономический империализм очень антиплюралистичен. Это не попытка понять и объяснить проблемы других наук, а скорее навязывание другим наукам своей, причем часто единственно правильной, как империалистами считается, точки зрения. Экономический плюрализм может рассматриваться как альтернатива экономическому империализму. Прежде всего, сторонниками экономического плюрализма выступают представители гетеродоксальных (неортодоксальных) течений (Colander, 2009).

Развитие современной экономической теории приводит к тому, что многие гетеродоксальные (неортодоксальные) идеи *de facto* включаются в мейнстрим, а также попадают в виде разделов в учебники по базовым теоретическим дисциплинам. Неортодоксальные научные направления, таким образом, играют роль «инкубаторов для идей» (Colander, Holt and Rosser, 2007. P. 310). Гетеродоксальные направления в

экономической науке расширяют предметное поле, где экономисты могут получить значимые результаты для теории и предложить релевантные меры экономической политики.

Как бы не критиковали или пытались игнорировать феномен экономического империализма в рамках научного дискурса, он оказал значительное влияние на развитие прежде всего самой экономической науки. Важнейшим следствием такого империализма стало постепенное сокращение предметного поля экономической науки. Это послужило своеобразной жертвой на алтарь «научности» по лекалам естественных наук (*Mirowski, 1984*). Многие проблемы, которые сейчас с успехом исследуются в социологии и политической науке, в начале XX века успешно разрабатывались экономистами. Более того, экономисты с успехом использовали методы качественных исследований (*Rutherford, 2012*), которые теперь ассоциируются преимущественно с социологией.

Хайек писал: «... экономист, остающийся лишь экономистом, скорее всего со временем станет помехой, если не потенциальной опасностью для исследовательской работы» (*Hayek, 1956*). Парадоксально, что некоторые экономисты рассматривают экономику как рамочную дисциплину для всех остальных социальных наук (*Яновский, 2009. С. 125*), не пытаясь даже вникнуть в их специфическую проблематику и исторические и методологические особенности проводимых исследований (*Урнов, 2009*).

Сокращение предметного поля в экономической науке позволило свести «науку о выборе» к решению технических задач, которые базируются на стройной системе логически не опровержимых аксиом. Экономический империализм хорошо подходит для анализа статичного и неизменного мира, который лучше всего соответствует «экономике классной доски» (*Коуз, 2007. С. 24*). Но если признать, что наш предмет исследований выходит за пределы «экономии классной доски», то мы должны смириться, что у задач реального экономического мира может не быть единственно правильного ответа.

Экономический плюрализм рассматривает истину в качестве того, что индивиды принимают в качестве достоверного знания. Однако достоверное знание может быть условным, согласно У. Сэмюелсу: «В экономической науке слишком часто происходит так, что единственным видом критики, который принимается, является критика изнутри данной школы или в рамках данного эпистемологического подхода. Иными словами, имеет место рабская привязанность к принятым методологическим и содержательным доктринам. Интеллектуальная зрелость предполагает преодоление эгоцентризма и осознание того, что, коль скоро мы не можем быть всем для всех, ни одна из эпистемологий не может удовлетворить всем возможным представлениям о знании. Понятие Истины должно быть заменено большим знаком вопроса. Нам необходимо подтвердить роль критики, а также признать условность достоверного знания» (*Сэмюелс, 2015. С. 19*).

Экономический империализм с его имплицитно принимаемым за идеал естественнонаучным видением мира рассматривает экономические и социальные процессы как эргодические. Причем эта картина мира опирается преимущественно на достижения естественных наук XIX века (*Mirowski, 1984*). Однако в научном дискурсе экономистов различных научных направлений все больше уделяется внимания исследованиям экономики как сложной и неэргодичной системы (*Норт, 2010; Arthur, 2013*). Если мы принимаем предпосылку о неэргодичности, то неизбежно должны обратиться к неортодоксальным научным направлениям, чтобы сформировать исследовательскую программу, учитывающую адаптивную сложность и исторически обусловленную эволюционность экономики. И здесь экономический империализм должен уступить дорогу экономическому плюрализму.

Экономический плюрализм не означает, что мы допускаем возникновение в рамках экономической науки теорий типа вечного двигателя или флогистона: «...эпистемологический и дискурсивный плюрализм – это то, что вызвано к жизни проблемой достоверного знания, а не самообманом, пусть и искусным. Такой плюрализм вовсе не означает, что «все годится». Он указывает на то, что каждый индивид имеет свои собственные суждения. Альтернатива такому подходу – признание того, что «годится лишь что-то одно», а также близорукость, претенциозность и ложная уверенность» (Сэмюелс, 2015. С. 38).

Междисциплинарность

Странным образом междисциплинарность в экономике со второй половины XX века привела не к развитию связей между родственными социальными науками, а реэкспорту методов и инструментов естественных наук. Здесь можно выделить несколько причин.

Одной из таких причин может служить взлет и падение внимания к гуманитарным и социальным наукам. Гуманитарные и социальные науки всегда в себе несли идеологическую функцию. В странах социалистического блока идеологическая функция политической экономии была очевидна и безусловна. Это определяло, с одной стороны, внимание к политической экономии со стороны власти, а с другой – способствовало изоляции советской экономической науки от мировой. В западной экономической науке идеологическая составляющая была не так заметна, но она, безусловно, существовала и существует. Крушение социализма привело к снижению внимания к идеологической функции экономической науки, а также через некоторое время – к общему снижению интереса к социальным и гуманитарным наукам. Эта тенденция, к сожалению, получила широкое распространение во всем мире. Университеты в стремлении «соответствовать потребностям рынка» сокращают преподавание гуманитарных и социальных наук, что отрицательно сказывается на воспитании восприимчивости к демократическим ценностям и формировании гражданской позиции. Как справедливо отмечает в известной книге М. Нуссбаум: «...Ответственная гражданская позиция требует гораздо большего: гражданин мира обязан понимать исторические события, использовать экономические принципы и критически их обдумывать, ценить социальную справедливость, говорить на иностранном языке, иметь представление о сложности основных мировых религий. Сама фактическая сторона вопроса может быть обеспечена и без применения навыков и техник, которые мы связываем с гуманитарными науками. Однако знание фактов без способности оценить их или понять, как именно из фактов составляется нарратив, бесполезно и мало чем отличается от незнания... Взгляд на мировую историю и экономику – в случае использования этих дисциплин для воспитания разумных граждан мира – должен быть поэтому гуманистическим и критическим» (Нуссбаум, 2014. С. 122–123).

Вторая причина связана с доминированием сциентизма в экономической науке (Хайек, 2003). Среди социальных наук экономисты оказались в авангарде кумулятивного процесса по использованию строгих методов естественных наук. Достигнув безусловных успехов на этом пути, экономические империалисты начали экспортировать прежде всего методы, используемые при анализе рационального максимизирующего поведения экономического человека. Вопросы, плохо поддающиеся такому анализу, вытеснялись на периферию, что обедняло предметное поле экономической теории и, возможно, негативно сказывается на развитии и других социальных наук. Подобный редукционизм (Milonakis and Fine, 2009) можно рассматривать как попытку объяснять сложные экономические явления простыми моделями (Тамбовцев, 2008).

Междисциплинарность предполагает не только взаимодополнение предметного поля и методов исследования социальных явлений, но также взаимную критику и

междисциплинарный делиберативный процесс (Вольчик, 2013). Важность обсуждения проблем междисциплинарности трудно переоценить, но для того, чтобы этот процесс был самоподдерживающимся, необходима определенная «антимонопольная политика» в самом сообществе экономистов, и здесь большая роль принадлежит постоянно действующим междисциплинарным семинарам, мастерским и школам.

Полноценное развитие плодотворных междисциплинарных связей между экономической и другими социальными науками возможно только при условии, если этот процесс будет поддержан образовательными программами. В настоящее время экономические бакалаврские и магистерские программы перегружены чисто инструментальными математическими курсами. Экономисты сравнительно неплохо освоили количественные методы анализа данных. Но в учебных программах мы почти не найдем курсов, посвященных качественным методам. Засилье формализма в экономической науке, да и в других социальных науках стало тем фактом, который почти для всех очевиден (Тумлович, 2003). Но формализм – это та институциональная ловушка (Полтерович, 1999), которую не просто преодолеть. И настоящий диалог о междисциплинарности дает шанс на продуктивное решение данной проблемы.

Междисциплинарные образовательные программы могут использовать те направления современной экономической науки, в которых достигнут наибольший прогресс в плане объяснения реальных экономических феноменов. И здесь важно не просто использовать модные теории, обладающие всеми признаками «высокой научности», но и методы и подходы, которые экономисты обычно считают уделом социологии, психологии или даже истории. Позволю себе привести пример из собственной пятнадцатилетней преподавательской и исследовательской практики в сфере государственных закупок. Государственные закупки позволяют обеспечить интересы покупателя (государственных и муниципальных заказчиков) путем проведения конкурентных процедур отбора поставщиков (конкурсы, аукционы, запросы предложений и котировок). В современной экономической теории есть научное направление, которое непосредственно связано с анализом аукционов – теория экономических механизмов. Мои беседы с обучающимися и исследующими государственные закупки (магистрантами, аспирантами, слушателями) позволили мне получить важную информацию о необходимости междисциплинарного обучения и исследований в данной сфере. Прежде всего меня поразило, что изучение непосредственно относящейся к предмету теории экономических механизмов почти никак не влияет на понимание у обучающихся реальных процессов. В лучшем случае студенты могут научиться выполнять упражнения, например про обратные английские аукционы. Применять эти теории для исследования (не говоря уже об участии в закупках) реальных аукционов никто не пытается. Оговорюсь, что все-таки есть причина использовать эти теории для написания научной статьи в обязательном для многих журналов разделе «модель». Но если вы хотите действительно разобраться, как функционирует сфера государственных закупок, вам, скорее всего, придется столкнуться с реальной междисциплинарностью.

При исследовании реальных проблем государственных закупок кроме экономических могут быть полезны методы и теории в первую очередь права, а также социологии и психологии. Например, если нас как исследователей интересует вопрос о динамике экономики при осуществлении государственных закупок, нам необходимо: во-первых, проанализировать, как изменялись формальные институты, и практику правоприменения (здесь будут полезны правовые знания). Во-вторых, выявить, какие неформальные институты существуют в сфере закупок, и определить их значимость для экономики при проведении торгов (здесь нам пригодятся социологические теории и методы). В-третьих, нам необходимо получить понимание того, как акторы реагируют на стимулы и какие стимулы присутствуют при планировании, проведении торгов и исполнении государственных контрактов (здесь нам также понадобятся

ся социологические методы и, возможно, методы теории поведенческой экономики и психологии).

Междисциплинарность является не просто современной модой в социальных науках. Междисциплинарность важна прежде всего для экономистов, так как она позволяет вернуться в те исследовательские сферы, которые они сознательно покинули в стремлении соответствовать идеалам научности. Для этого необходимы: проведение исследований, образовательные программы, а также диалог (разговор) между представителями как различных социальных наук, так и различных научных направлений.

ЛИТЕРАТУРА

Беккер Г.С. (2003). Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М.

Вольчик В.В. (2013). Принципы делиберативной демократии для решения проблем в экономической теории // *Journal of Institutional Studies*, т. 5, № 2, с. 5–6.

Гуриев С.М. (2008). Три источника – три составные части экономического империализма // *Общественные науки и современность*, № 3.

Гуриев С. (2011). Мифы экономики: Заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики. Манн, Иванов и Фербер.

Коуз Р. (2007). Фирма, рынок и право / В кн.: Коуз Р. Фирма, рынок и право. М.: Новое издательство.

Мизес Л. (2000). Человеческая деятельность. М.: Экономика, 693 с.

Нуссбаум М. (2014). Не ради прибыли: зачем демократии нужны гуманитарные науки. М.: Изд. дом ВШЭ.

Олсон М. (2012). Власть и процветание. Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. М.: Новое издательство.

Пикетти Т. (2015). Капитал в XXI веке. М.: Ad Marginem.

Полтерович В.М. (2011). Становление общего социального анализа // *Общественные науки и современность*, № 2, с. 101–111.

Полтерович В.М. (1999). Институциональные ловушки и экономические реформы // *Экономика и математические методы*, т. 35, № 2.

Радаев В.В. (2008). Экономические империалисты наступают! Что делать социологам? // *Общественные науки и современность*, № 6, с. 116–123.

Рубинштейн А. (2008). Дилеммы экономиста-теоретика // *Вопросы экономики*, № 11, с. 62–80.

Стиглиц Дж. (2015). Цена неравенства. М.

Сэмюэлс У.Дж. (2015). «Истина» и «дискурс» в социальном конструировании экономической реальности: очерк об отношении знания к социально-экономической политике // *Истоки: качественные сдвиги в экономической реальности и экономической науке*, М.: Изд. дом ВШЭ.

Тамбовцев В.Л. (2008). Перспективы «экономического империализма» // *Общественные науки и современность*, № 5.

Тамбовцев В.Л. (2015). Еще раз о преподавании институциональной экономики // *Terra Economicus*, т. 13, № 2, с. 38–45.

Тумилович М. (2003). Формализм, экономическое образование и экономическая наука // *ЭКОВЕСТ*, 3, 1, с. 102–123.

Урнов М.Ю. (2009). «Экономический империализм» глазами политолога // *Общественные науки и современность*, № 4.

Хайек Ф.А. (1992). Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.

Хайек Ф. (2003). Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблениях разумом. М.: ОГИ.

Ходжсон Дж. (2008). Эволюционная и институциональная экономика как новый мейнстрим? // *Terra Economicus*, т. 6, № 2, с. 8–21.

Ширяев И.М. (2014). Типологизация подходов к определению эффективности экономических институтов // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*, 6(2).

Яновский К.Э. (2009). Несколько примеров методологии, или «Экономистам не в чем каяться!» // *Общественные науки и современность*, № 2.

Arthur W.B. (1994). Bounded rationality and inductive behavior (the El Farol Problem) // *American Economic Review*, vol. 84, no. 2, pp. 406–411.

Arthur W.B. (2013). *Complexity Economics*. Oxford Univ. Press.

Colander D. (2009). 2 Moving beyond the rhetoric of pluralism // *Economic pluralism*. Routledge.

Colander D., Holt R.P.F. and Rosser J.B. (2007). Live and dead issues in the methodology of economics // *Journal of Post Keynesian Economics*, 30(2), pp. 303–312. Doi:10.2753/pke0160-3477300208.

Fine B. (2002a). Economics Imperialism and the New Development Economics as Kuhnian Paradigm Shift? // *World Development*, 30(12), pp. 2057–2070. Doi:10.1016/s0305-750x(02)00122-5.

Fine B. (2002b). «Economic imperialism»: a view from the periphery // *Review of Radical Political Economics*, 34(2), pp. 187–201. Doi:10.1016/s0486-6134(02)00117-1.

Fine B. and Milonakis D. (2009). From economics imperialism to freakonomics: The shifting boundaries between economics and other social sciences. Routledge.

Hayek F.A. (1956). The dilemma of specialization / In: *White L.* The state of social sciences. Chicago: University of Chicago Press.

Krugman P. (2009). How did Economists Get it So Wrong? // *The New York Times*, September 2 (http://www.nytimes.com/2009/09/06/magazine/06Economic-t.html?_r=1).

Marchionatti R. (2012). The economists and the primitive societies // *The Journal of Socio-Economics*, 41 (5), pp. 529–540. Doi:10.1016/j.socec.2012.04.021.

Mirowski Ph. (1984). Physics and the «marginalist revolution» // *Cambridge Journal of Economics*, № 8, pp. 361–379.

Nelson R.H. (2001). *Economics as religion: From Samuelson to Chicago and beyond*. Penn State Press.

Rutherford M. (2012). Field, Undercover, and Participant Observers in US Labor Economics: 1900–1930. *History of Political Economy*, 44 (suppl. 1), pp. 185–205.

Stiglitz J. (1999). Whither Reform? Ten Years of the Transition. *Annual Bank Conference on Development Economics*, April 28–30. Washington, D.C.: World Bank.

REFERENCES

Becker G.S. (2003). Human behavior: an economic approach. Selected papers on economic theory. Moscow. (In Russian.)

Coase R. (2007). The company, the market and the right / In: *Coase R.* The Firm, the Market, and the Law. Moscow: Novoye izdatelstvo publ. (In Russian.)

Guriev S. (2011). Myths of the economy: Misconceptions and stereotypes that distribute the media and politicians. Mann, Ivanov and Ferber. (In Russian.)

Guriev S.M. (2008). Three sources – three components of economic imperialism. *Social studies and modernity [Obshchestvennye nauki i sovremennost]*, no. 3. (In Russian.)

Hayek F.A. (1992). Fatal conceit. Errors of Socialism. Moscow. (In Russian.)

Hayek F.A. (2003). The counter-revolution of science. *Etudes on the abuse of mind*. Moscow: OGI, 286 p. (In Russian.)

Hodgson G. (2008). Evolutionary and institutional economics as the new mainstream? *Terra Economicus*, vol. 13, no. 2, pp. 38–45.

Mises L. (2000). Human action. Moscow: Ekonomika Publ., 693 p. (In Russian.)

- Nussbaum M. (2014). Not for Profit: Why democracy needs the humanities. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. (In Russian.)
- Olson M. (2012). Power and prosperity. Develop communist and capitalist dictatorship. Moscow: Novoye izdatelstvo publ. (In Russian.)
- Piketty T. (2015). Capital in the XXI century. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russian.)
- Polterovich V. (1999). Institutional traps and economic reforms. *Economics and Mathematical Methods*, vol. 35, no. 2. (In Russian.)
- Polterovich V. (2011). Formation of the general social analysis. *Social studies and modernity [Obshchestvennye nauki i sovremennost]*, no. 2. (In Russian.)
- Radaev V.V. (2008). Economic imperialists are coming! What have sociologists do? *Social studies and modernity [Obshchestvennye nauki i sovremennost]*, no. 6, pp. 116–123. (In Russian.)
- Rubinstein A. (2008). Dilemmas of economic theorist. *Voprosy ekonomiki*, no. 11, pp. 62–80. (In Russian.)
- Samuels W.J. (2015). «Truth» and «discourse» in the social construction of economic reality: a sketch of the relation of knowledge to the economic and social policy / In: Samuels W.J. Origins: qualitative changes in the economic reality and economics. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. (In Russian.)
- Shiryayev I.M. (2014). Typology of approaches to determine the effectiveness of economic institutions. *Journal of Institutional Studies*, 6 (2). (In Russian.)
- Stiglitz J. (2015). The price of inequality. Moscow. (In Russian.)
- Tambovtsev V.L. (2008). The prospects of «economic imperialism». *Social studies and modernity [Obshchestvennye nauki i sovremennost]*, no. 5. (In Russian.)
- Tambovtsev V.L. (2015). Once again on the teaching of institutional economics. *Terra Economicus*, vol. 13, no. 2, pp. 38–45. (In Russian.)
- Tumilovich M. (2003). Formalism in economics and economic science. *ECOWEST*, 3, 1, 102–123. (In Russian.)
- Urnov M.Yu. (2009). «Economic imperialism» from a political scientist's view. *Social studies and modernity [Obshchestvennye nauki i sovremennost]*, no. 4. (In Russian.)
- Volchik V.V. (2013). The principles of deliberative democracy to solve problems in economic theory. *Journal of Institutional Studies*, vol. 5, no. 2, pp. 5–6. (In Russian.)
- Yanovsky K.E. (2009). A few examples of the methodology, or the «Economists have nothing to repent!» *Social studies and modernity [Obshchestvennye nauki i sovremennost]*, no. 2. (In Russian.)
- Arthur W. B. (1994). Bounded rationality and inductive behavior (the El Farol Problem). *American Economic Review*, vol. 84, no. 2, pp. 406–411.
- Arthur W.B. (2013). Complexity Economics. Oxford Univ. Press.
- Colander D. (2009). 2 Moving beyond the rhetoric of pluralism. *Economic pluralism*. Routledge.
- Colander D., Holt R.P.F. and Rosser J.B. (2007). Live and dead issues in the methodology of economics. *Journal of Post Keynesian Economics*, 30(2), pp. 303–312. Doi:10.2753/pke0160-3477300208.
- Fine B. (2002a). Economics Imperialism and the New Development Economics as Kuhnian Paradigm Shift? *World Development*, 30(12), pp. 2057–2070. Doi:10.1016/s0305-750x(02)00122-5.
- Fine B. (2002b). «Economic imperialism»: a view from the periphery. *Review of Radical Political Economics*, 34(2), pp. 187–201. Doi:10.1016/s0486-6134(02)00117-1.
- Fine B. and Milonakis D. (2009). From economics imperialism to freakonomics: The shifting boundaries between economics and other social sciences. Routledge.
- Hayek F.A. (1956). The dilemma of specialization / In: White L. The state of social sciences. Chicago: University of Chicago Press.
- Krugman P. (2009). How did Economists Get it So Wrong? *The New York Times*, September 2 (http://www.nytimes.com/2009/09/06/magazine/06Economic-t.html?_r=1).

Marchionatti R. (2012). The economists and the primitive societies. *The Journal of Socio-Economics*, 41 (5), pp. 529–540. Doi:10.1016/j.socec.2012.04.021.

Mirowski Ph. (1984). Physics and the «marginalist revolution». *Cambridge Journal of Economics*, no. 8, pp. 361–379.

Nelson R.H. (2001). Economics as religion: From Samuelson to Chicago and beyond. Penn State Press.

Rutherford M. (2012). Field, Undercover, and Participant Observers in US Labor Economics: 1900–1930. *History of Political Economy*, 44 (suppl. 1), pp. 185–205.

Stiglitz J. (1999). Whither Reform? Ten Years of the Transition. *Annual Bank Conference on Development Economics*, April 28–30. Washington, D.C.: World Bank.